

Д.З. Фельдман

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Согласно юридической трактовке международного права, коллаборационизм (от фр. *collaboration* – сотрудничество) – это осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству, другими словами – государственная измена. Данный термин чаще применяется в более узком смысле: как сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами. Хотя такое выражение впервые прозвучало в ходе Второй мировой войны, в 1940 г. (когда маршал А.-Ф. Петен, глава режима Виши, призвал французскую нацию в период оккупации Франции сотрудничать с немецкими властями), мы вправе применить его и в отношении как других государств, так и более ранних эпох, в которые наблюдалось сотрудничество отдельных слоев населения с оккупационными властями. Конечно, в годы Второй мировой войны коллаборационизм приобрел самый массовый характер, однако в той или иной степени он сопутствовал всем крупным вооруженным конфликтам в мировой истории (только назывался он иначе). Причинами коллаборационизма могли быть и недовольство существующей властью, и чисто меркантильные интересы.

Если обратиться к эпохе Отечественной войны 1812 года, то хорошо известно, что вторгшуюся в пределы Российской империи Великую армию активно поддержало польское население, которое надеялось на восстановление Наполеоном Бонапартом «старой» Польши путем присоединения к Великому герцогству Варшавскому западных окраин России – Литвы и Белоруссии. Что касается евреев, проживавших на территории Западного края, то в массе своей они остались верны своей стране и им-

ператору Александру I. Видный еврейский историк С.М. Гинзбург констатировал, что «русское еврейство проявило во время Отечественной войны активную преданность России, враждебность неприятелю» и «оказывало ревностное и серьезное содействие русской армии»¹. Подчеркнем, что на это были объективные причины. В первую очередь, четко просматривающаяся антиеврейская политика польских властей (находившихся под контролем Франции), которая выразилась в резком ограничении евреев – «поляков старозаконного исповедания или Моисеевой религии» – в правах и свободах (конец 1808 г.): лишение политических прав на 10 лет; запрещение приобретать родовые имения; сохранение действия ограничительных для евреев постановлений времен старопольского и прусского управления; введение ограничения в праве жительства в Варшаве и других городах, т. е. фактическое восстановление еврейского гетто; притеснения в сфере торговли и ремесел, в частности запрет винокурения и содержания шинков; замена личной воинской повинности денежным военным налогом (начало 1812 г.); наконец, намерение распространить перечисленные меры на евреев Литвы и Белоруссии, проживающих пока на территории России, но которые, по мысли польских властителей, с восстановлением Польского государства вскоре перейдут под их управление². Конституция Варшавского герцогства 1807 г. отличалась всесловным характером: она признавала всех граждан равными перед законом, допускала мещан к участию в сейме и вводила личную свободу крестьян. Однако провозглашенное в конституционной хартии всеобщее равенство граждан осталось лишь теорией, в том числе и по отношению к еврейскому населению страны. Через год после его учреждения королевские декреты 1808 г. ограничили евреев в пользовании политическими правами и запретили им приобретать сельские недвижимые имущества, а декрет 1809 г. лишил их права селиться на некоторых улицах Варшавы³. В декрете от 17 октября 1808 г. говорилось: «Жители нашего Варшавского герцогства, исповедующие религию Моисея, лишаются политических прав, которыми они имели впредь пользоваться, на десять лет. Надеемся, что в течение этого времени они утратят те особенности, которые столь отличают их от других жителей». Как видим, перспективы, открывающиеся перед российским еврейским обществом в случае успешной военной кампании Франции и возвращения бывших польских территорий с их еврейским населением Польше, были отнюдь не радужными. Поэтому, как полагал Гинзбург, «независимо от прочих мотивов... элементарный политический смысл должен был подсказать русским евреям нежелание успеха французской армии, необходимость с их стороны содействия... поражению неприятеля»⁴.

В то же время и в мемуарной литературе, и в исторических документах встречаются факты оказания евреями различных услуг неприятельской армии в войне 1812 года. Справедливости ради следует отметить, что эти евреи были не только российскими подданными, но также (в значительной части) иностранцами – польскими или прусскими жителями и, следовательно, коллаборантами считаться не могут. (Тем не менее ниже для сравнения приводятся случаи использования французами в своих интересах в том числе иностранных евреев.) Вообще услугами местного еврейского населения еще накануне войны широко и успешно пользовались российские органы безопасности, которые быстро оценили мобильность евреев, их умение действовать на свой страх и риск, знание языков, местных особенностей, путей сообщения. Эти качества, в совокупности с естественным прикрытием – постоянными разъездами по своим коммерческим делам, превратили евреев в незаменимых агентов военной разведки и сыска, а также курьеров и проводников. Наполеоновская разведка также попыталась использовать в своих интересах евреев, которые – или из корыстных побуждений, за денежное вознаграждение, или вынужденно, под угрозой смерти семьи или их самих, – доставляли французам информацию военного характера, служили проводниками армейских подразделений или доставляли курьерскую почту. Однако это были все же единичные случаи, что подтверждают участники войны как с нашей стороны, так и с французской.

Ссылаясь на «Историю похода в Россию в 1812 г.» (или «Историю русской экспедиции») – наиболее объективную и свободную от разного рода личностных моментов работу участника войны со стороны неприятеля, французского бригадного генерала маркиза Ж. де Шамбре, который в 1812 г. служил капитаном гвардейской конной артиллерии, командир армейского партизанского отряда Д.В. Давыдов сообщает, что «во время отступления Наполеона от Смоленска до Молодечно он получил только две депеши из Франции... На доставление первой из сих депешей отважился польский дворянин... вторую доставил ему еврей за деньги, – он встретил Наполеона в Камене после перехода чрез Березину»⁵. В ночь на 8 ноября засада, поставленная Давыдовым на дороге из г. Орши в местечко Горки Оршанского уезда Могилевской губернии, перехватила курьера-еврея от начальника Генерального штаба Великой армии маршала Л.-А. Бертье к майору Бланкарду, под командованием которого состояло полковое депо (центр сбора, обмундирования, вооружения и подготовки пополнения для армии) в Горках; дубликат этого послания «с повелением идти наипоспешнее за Днепр» имел другой еврей, захваченный партизан-

ской партией капитана А.Н. Сеславина у г. Копысь⁶. Некий кобринский еврей-портной Ицка во время войны использовался вражеской разведкой в качестве агента для сбора сведений о 3-й Обсервационной армии⁷. Французским шпионом в русском тылу в ноябре 1812 г. работал Давид Менделевич⁸. За выполнение разведывательного задания на российской территории агент Израэль Возель получил 600 франков⁹. Агент маршала Э.-Ж.-Ж.-А. Макдональда, командовавшего прусско-французским 10-м армейским корпусом Великой армии, прикрывавшим ее левый фланг в Курляндии, Меер Зашариас (Захариас) в конце 1812 г. был послан из Пруссии в Россию с секретным поручением, за что получил 460 франков; другому шпиону Аарону Кану за выполнение задания вручили 120 франков¹⁰. Агентом барона Э.-Л.-Ф. Лелорня д'Идевиля, видного французского дипломата и разведчика, секретаря-переводчика Наполеона, состоял Мозес Мейзель, который по приказу начальника занимался в октябре – ноябре 1812 г. проведением разведки в районе местечка Плещеницы близ р. Березины, на дороге между местечком Зембин и г. Вилейка, где 18 ноября произошел авангардный бой русских войск с отступавшими французами, затем был направлен в Сморгонь и Вильно и доставил полученную информацию в Ковно, за что получил 920 франков¹¹.

Задания коменданта г. Данцига (Пруссия) дивизионного генерала графа Ж. Раппа на российской территории перед военной кампанией 1812 г. выполняли местные купцы Мозес Самуэль и Яков Иоахим, которые в 1813 г. просили определить их маркигантами в русские войска, но были арестованы¹². Оказался разоблаченным разведчик французской армии Гирш Якубович из Варшавского герцогства¹³. Также до начала войны, 31 мая 1812 г., Особенная канцелярия при министре полиции направила в адрес московского обер-полицмейстера, рижского и ревельского гражданских губернаторов письмо, в котором было сказано, что «по достоверным сведениям» в Россию должны прибыть под своими или чужими именами два лазутчика: Вильгельм Фишер, видимо немец, 23 лет, и «еврей по имени Етлинггер, человек лет 40-а или 45-ти, очень ловкой и приятной в обращении, который выдает себя иногда за игрока, а иногда за торгового галантерейными вещами. Он говорит на разных языках и в разных науках имеет хорошее сведение». Адресатам-чиновникам предлагалось «употребить все возможные способы к отысканию сих людей», а затем установить за ними «самый точнейший надзор»¹⁴. Были ли обнаружены вражеские шпионы на российской территории, нам пока неизвестно. На завершающем этапе войны полицейские власти разыскивали еврея Мозеса-Лейзера Тварна. По поводу его поисков сложилась целая

переписка: отношение рижского военного губернатора генерал-лейтенанта И.Н. Эссена к Санкт-Петербургскому обер-полицеймейстеру, донесение последнего в Министерство полиции и, наконец, письмо из Особенной канцелярии столичному обер-полицеймейстеру от 31 октября 1812 г. с просьбой уведомить, если Тварн прибудет в Санкт-Петербург¹⁵. Конечный результат этого дела нам также неизвестен.

В то же время у нас имеются сведения о евреях-разведчиках, находившихся на службе у дивизионного генерала Я.-Х. Домбровского, в войну 1812 года командира 17-й пехотной дивизии в составе 5-го (польского) армейского корпуса Великой армии и участника кампании 1813 г. в Саксонии. Как явствует из основанного на доносе рапорта литовскому военному губернатору А.М. Римскому-Корсакову от военного генерал-полицеймейстера из Праги от 25 августа 1813 г., три агента-еврея польского генерала были направлены «в Москву для узнания, сколько есть в российском крае войск»¹⁶. Бригадный генерал барон Д. Виллата фон Виллатбург, командовавший 13-й бригадой легкой кавалерии 4-го армейского корпуса, сообщил своему начальнику принцу Э.-Р. Богарне из местечка Усвяты Велижского уезда Витебской губернии, что в соответствии с его приказом 7 августа 1812 г. (н. с.) направил одного еврея с двумя толковыми егерями в г. Невель Витебской губернии, чтобы получить известия о неприятеле. Они возвратились, не обнаружив в Невеле ни русских, ни французских солдат. «Еврей-шпион и егеря сообщили мне, – пишет Виллата, – что повсюду, где они прошли, крестьяне жгут или грабят поместья и восстают против своих господ»¹⁷. Подобные случаи, тем не менее, не носили массового характера, оставшись исключением из общего правила. Кроме того, еврейские «шпионы» не пользовались доверием французского командования за свою приверженность русскому правительству: известны случаи передачи евреями неприятелю ложных сведений.

Начальником военной разведки (военно-разведывательного бюро) Великой армии во время Отечественной войны состоял прикомандированный к штабу Наполеона в должности шефа специальной службы дивизионный генерал М. Сокольниковский, в числе агентов которого было несколько евреев. Его разведывательные задания в 1812 г. выполняли: Пейсаш Смулевич (Шмулевич), получивший за выполнение двух поручений в местечке Плещеницы 150 франков; ковенский житель Хаим Мортелович (в июне); Борух Мусович (в июле), задачей которого было определить местонахождение запасов продовольствия и транспортных средств в расположении русской армии; Гирш Шмулевич (в июле), посланный с поручением выявить точное место дислокации 6-го пехотного корпуса

генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова¹⁸. Уже по окончании Отечественной войны, в начале 1813 г., в занятый русскими войсками г. Мариенбург (Восточная Пруссия) генерал Сокольниковский направил с агентурным заданием еврея Зашариаса-Якоба Розенберга, получившего за свою работу 600 франков¹⁹. Судя по фамилиям перечисленных выше лиц, многие из них были не русскими подданными, а прусскими евреями. В то же время известно, что начальник наполеоновской разведки мало доверял евреям и избегал использовать их в качестве шпионов²⁰. Бригадный генерал граф Р. Солтык, во время войны 1812 года адъютант Сокольниковского в чине капитана, в своих воспоминаниях сообщает, что в функции его начальника входило ежедневное представление Наполеону сведений о движении и местонахождении неприятеля и о театре войны, для чего было необходимо расспрашивать жителей и пленных, перехватывать письма и депеши, а также рассылать осведомителей. Однако «разсылке шпионов весьма мешали те затруднения, которые встречались при поисках таких людей в Польше... Необходимо было бы употреблять для этой цели евреев... но Сокольниковский им не доверял, так как считал их особенными приверженцами русского правительства... вследствие чего никогда не хотел пользоваться ими как шпионами для нашей армии»²¹. Той же точки зрения придерживался обер-провиантмейстер наполеоновской армии виконт Л.-Г. де Пюибюск, который в июле 1812 г. записал в свой дневник по поводу привлечения в Вильно к шпионажу некоторых местных евреев: «Не знаю, в чем гарантия верности этих потомков Израиля. Религия их никогда не стесняет их совести, и мне кажется, гораздо лучше не доверять им»²². Французский интендант сделал правильный вывод, однако при этом он так и не понял, что основной причиной антинаполеоновских настроений еврейского населения Российской империи было отнюдь не его вероисповедание.

В отдельных случаях французской разведке удавалось перевербовать русских агентов, и те становились двойниками-предателями, поставляя противнику секретную информацию. В связи с этим следует упомянуть белостокского жителя Хаима-Маркуса Цыгана, с 1810 г. одного из наиболее доверенных агентов коменданта г. Белостока полковника К.К. Щица, который занимался сбором сведений об армии Великого герцогства Варшавского, контрразведывательными мероприятиями, а также активно боролся с контрабандой: тайным вывозом за границу «звонкой» монеты и хлеба, переводом доходов от российских имений в герцогство, перегоном лошадей и крупного рогатого скота, что вело к усилению вероятного противника. В вопросах борьбы со злоумышленниками Щиц во многом

опирался на сведения местных евреев, особенно Цыгана, чьи показания о злоупотреблениях на границе неоднократно пересылались военному министру М.Б. Барклаю де Толли. Однако почти одновременно Цыган становится агентом одного из активных резидентов наполеоновской разведки на границе с Россией А. Беллефруа, супрефекта Тикочина (Варшавское герцогство), и передает польской контрразведке информацию о посещении герцогства несколькими русскими разведчиками, в том числе в мае 1811 г. важным агентом, белостокским купцом Гиршем Альперном (Альпером, Альпериным, Гальпериным, Гальперном, Ольперном), который даже на некоторое время был взят под стражу, но затем отпущен на свободу из-за недостатка улик. С 1811 г. за деятельностью Беллефруа было установлено наблюдение российской контрразведкой, в результате чего двойной агент Цыган летом 1811 г. был разоблачен и арестован русскими властями²³.

В воспоминаниях участников военного похода в Россию встречаются примеры различных услуг, которые оказали им евреи – торговцы, проводники, санитары и т.п.²⁴ Так, беспристрастно повествуя о событиях войны 1812 года немецкий капитан Г.-У.-Л. фон Роос, который служил старшим врачом-хирургом 3-го Вюртембергского конно-егерского полка принца Людвига, входившего в состав Резервной кавалерии Великой армии, знакомит нас, главным образом, с повседневной внутренней жизнью войск во время похода. Описывая приближение своей части к Москве 14 сентября (н.с.), когда до города оставалось полчаса пути, Роос пишет: «Вправо близ дороги ехал по полю Наполеон в сером сюртуке на белом коне; он прибыл сегодня к самой главе авангарда в сопровождении небольшой свиты; с левой стороны его шел длинный польский еврей в своем национальном костюме. Наполеон устремил свои взоры на столицу, лежавшую теперь еще ближе к нам, а еврей делал указания и разъяснения, по-видимому касавшиеся некоторых пунктов города»²⁵. Во время отступления через Смоленск 11 ноября, как указывает врач, среди сожженных и опустошенных домов он встретил евреев – торговцев и маркитантов, «на которых мы давно уже возлагали свои надежды». Достигнув 20 ноября Орши, отступающие части обнаружили в городе много евреев, с которыми «можно было иметь дело; у них были припасы, у нас деньги, следовательно, можно было раздобыть себе кое-что»²⁶. В воспоминаниях майора Х.-Л. фон Иелина, воевавшего в 1812 г. в России в чине обер-лейтенанта 2-го Вюртембергского линейного полка 3-го армейского корпуса Великой армии, также находим любопытные факты по интересующей нас теме. Будучи пленным, офицер попал в колонну, следовавшую

в Вильно, где 10 декабря (н. с.) был помещен в один из госпиталей, который снабжали местные евреи. Они «доставляли в госпиталь громадное количество награбленной провизии, на которую изголодавшиеся набрасывались жадно, как гиены, поглощая пищу почти не пережевывая, не довольствуясь часто двумя, тремя порциями кислой капусты и тому подобных тяжелых вещей»²⁷.

О привлечении евреев к снабжению наступающих частей Великой армии провиантом из-за хронического отставания интендантских обозов свидетельствует итальянец Ц. Ложье, младший лейтенант, один из адъютантов при штабе Легкоконного (велитского) полка Итальянской королевской гвардии в составе 4-го армейского корпуса. Описывая в своих воспоминаниях обстановку в г. Сураже Витебской губернии в конце июля – начале августа 1812 г., Ложье пишет: «Население здесь многочисленно, но состоит, по обыкновению, главным образом из евреев, которым приходится за их предприимчивость прощать отталкивающий вид. Они оказывают нам кое-какие услуги; рады и этому, так велики наши нужды»²⁸. Он же благодарит евреев и за помощь при отступлении французского авангарда, состоявшего из остатков корпусов принца Э.-Р. Богарне и маршала Л.-Н. Даву, через местечко Илия Вилейского уезда Минской губернии 1 декабря: «Евреи, находящиеся там в большом количестве, нам очень полезны в нашем положении. Самая омерзительная пища предпочтительнее всякого золота»²⁹. Французский военный топограф 4-го армейского корпуса Л.-Э.-А. де Лабом фактически повторяет слова Ложье о суражских евреях: «Население, почти полностью состоящее из евреев, многочисленное, и благодаря своей изворотливости, они предлагают нам некоторые запасы, в которых мы имеем наибольшую нужду»³⁰. В начале августа 1812 г. французские войска достигли г. Велижа, о еврейской общине которого Лабом сообщает следующее: «...Население этого города, целиком еврейское, обеспечивало нас почти всем, чтобы обеспечить первые жизненные потребности, тогда как в окрестностях не было ничего, кроме бедных деревушек»³¹.

Довольно много упоминаний о евреях можно встретить и в записках еще одного участника военной экспедиции 1812 г., французского врача Д.-П. де ла Флиза, служившего в чине капитана во 2-м гренадерском полку Императорской гвардии Наполеона, взятого в плен под Красным и оставшегося в России. Здесь он поселился в г. Белая Церковь Васильковского уезда Киевской губернии, где занялся медицинской практикой, а в 1832 г. получил российское подданство. Во время наступательных действий французских войск 19 июля 1812 г. (н. с.) в г. Ошмяны «местные ев-

реи, очень многочисленные, принесли нам вина, ликера, портера и проч. Мы накупили у них всякого добра, заплатив за все довольно дорого»; 21 июля в местечке Молодечно Вилейского уезда Минской губернии: «В городе оставались одни евреи; у них-то и купили за дорогую цену рогатого скота, так как стадо быков, следовавшее за нашей дивизией, отстало...»; 22 июля в г. Вилейка, «как всюду, мы встретили одних евреев», которым «было поручено достать провизию. Военные комиссары условились с ними, и они доставили ржаного хлеба и мяса»³². При этом де ла Флиз подмечает одну важную для нас особенность: чем дальше углублялся его полк в территорию Белоруссии, тем менее охотно местные евреи оказывали помощь по снабжению французов продовольствием. В местечке Березино Игуменского уезда Минской губернии 25 июля «трудно было достать провизии, и, вероятно, и у евреев ее не было, потому что они принесли нам только водки да скверного пива»; в местечке Камень Лепельского уезда Витебской губернии «даже евреев осталось немного. Почти ничего нельзя было достать»; 27 июля в местечке Будиловка Витебской губернии «евреи, эти единственные жители, не оставлявшие городов, через которые мы проходили, не в состоянии уже были удовлетворить эту массу войска; боясь насильственных захватов, они прятали последнее, что могли отдать»; 30 июля в Витебске евреи «из расчета ли или из страха не надоедали нам, как их единоверцы в других городах. Некоторые из них представлялись нашим начальникам в качестве не то депутатов, не то капиталистов. Костюм их был приличный, нарядный и даже опрятный. Казалось, они имели тайное поручение к нашим начальникам. Полковник стал их расспрашивать насчет отступления русских и бегства жителей города. Они отвечали уклончиво, приписывая все страху перед французской армией; но нельзя было не заметить двоедушия этих израильтян; они явно изучали нас с целью воспользоваться обстоятельствами, которые могли бы принести им выгоды, все равно от русских или от французов. Осторожные начальники наши не говорили им, долго ли мы пробудем в Витебске, а потребовали от них различных припасов, которые те и обещали доставить»; в одном из отдаленных витебских кварталов «встречались и еврейские дома, но хозяева их молча смотрели на нас, не двигаясь с места, точно им так приказано было»³³.

Вот еще несколько мемуарных свидетельств об услугах, оказанных белорусскими евреями отступающим наполеоновским войскам. Маркиз А.-Д. де Пасторе, аудитор Государственного совета 1-го класса, интендант Витебской провинции: «Ляды были для нас как бы убежищем, и одно время казалось, что судьба наша с минуты нашего прибытия не-

сколько улучшилась... Откуда-то вынырнули евреи, а с ними появились все потребности жизни. В России им запрещено жить; но едва мы вступили в дозволенные им местности, как они предстали перед нами, исполненные каким-то особым рвением, а довольно значительные денежные пожертвования побудили их употребить в нашу пользу всю их оживленную торговую деятельность и все средства, которыми они могли располагать». Генерал барон Ш.-П.-Л. Гриуа, во время войны 1812 года полковник, командующий артиллерией 3-го корпуса кавалерийского резерва Великой армии, затем – артиллерией 4-го армейского корпуса: «Перед самым наступлением ночи я прибыл к вновь построенному на Днепре мосту напротив маленького городка Орши. Это было 19 ноября. Недавно прибывшие в армию жандармы охраняли подходы к мосту и старались упорядочить переправу, но это было невозможно: множество людей так его загромождало, что я решил остаться на левом берегу и подождать завтрашнего дня, чтобы войти в город. Я устроился со своими дорожными товарищами в лачужке, где жили евреи. Хороший огонь и кое-какая провизия, купленная нами на вес золота, заставила нас позабыть нечистоплотность наших хозяев и их кроватей и грозившую нам опасность нападения казаков. К счастью, в этом месте нападений не было, и мы провели ночь спокойно». Барон Д.-Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии: «Мы дошли быстро до Дубровны, маленького городка, переполненного евреями; здесь мы купили немного дрянной водки и хлеба. У нас было очень много больных, и мы устроили амбулаторию. Все, кто мог идти, следовали за войском, а других мы оставили там с несколькими лекарями, чтобы оказывать им помощь». Немецкий полковник К.-Ф.-Э. фон Зукков, служивший в 1812 г. обер-лейтенантом в 25-й (вюртембергской) пехотной дивизии 3-го армейского корпуса Великой армии: «Между тем накануне моего прибытия в Вильно мне удалось найти кое-какой пищи у мелочных торговцев, которые Бог знает как спасли свои повозки и лошадей. К великому счастью, у меня были еще деньги. Эти почтенные торговцы, конечно, евреи, пускались по обыкновению на всякий риск, чтобы получить какой-нибудь барыш. Они раньше нас пробрались в Вильно, добыли там хлеба и водки, потом вышли нам навстречу и продавали свои товары по баснословным ценам. Нечего и говорить, что дела их шли блестяще: съестные припасы разбирались нарасхват, несмотря ни на какие цены, и с жадностью поглощались, каковы бы они ни были. Голод – лучший из поваров»³⁴.

Приведем пример использования неприятелем евреев в качестве проводников. Французский капитан Ж.-Р. Куанье, командовавший в чине

сержанта (затем поручика) батальоном 2-го гвардейского гренадерского полка, вспоминает, как во время наступления в начале июля 1812 г., после выхода из Вильно на марше по направлению к Витебску, ему перестала подчиняться часть солдат: 700 из них дезертировали и бежали назад в город, а другие (133 человека), отстреливаясь, скрылись в лесу. Как оказалось, последние заговорщики были испанцами из солдат короля Испании Ж.-И. Наполеона Бонапарта, старшего брата французского императора. Достигнув одной из деревень, где стояла кавалерийская часть, охранявшая этап и направлявшая проходившие мимо войска, сержант доложил об этом ее командиру. Полковник «приказал привести евреев и переводчика. На основании моих сообщений он старается представить себе, в каком расстоянии могут теперь находиться мои дезертиры, в какую деревню могли они попасть. Командированы 50 конных стрелков; евреи их провожают. На полпути им встретились ограбленные крестьяне, ищущие защиты. В полночь стрелки подъехали к деревне, окружили ее и забрали всех испанцев, которых нашли там спящими». В результате была устроена показательная казнь: половину беглецов по законам военного времени расстреляли. Потрясенный Куанье покинул это место, «но евреи были довольны»³⁵.

Следующее описание на эту тему почерпнуто из почти забытой публикации мемуаров есаула Войска Донского Ф.И. Савельева, служившего в 1812 г. хорунжим в Донском казачьем полку генерал-майора И.Д. Иловайского. События, зафиксированные донским историком и этнографом Ф.К. Траилиным, относятся к заключительному этапу войны и касаются поисковой операции 18 ноября у местечка Долгиново Минской губернии, занятого французами: «...Я с командой своей в 50 человек казаков состояли в партии и, само собой разумеется, живо проведдали об этих гостях. Но надобно было лично дознаться о силе неприятеля и расположении его. Поздно вечером, скрыв в окрестных огородах команду... переодетые в плащи и мундиры польско-французских улан, въехали в местечко. На оклик часового отозвались польскими уланами. На площади стояло на козлах около 200 ружей, охраняемых тремя часовыми; в окнах близлежащих домов и на дворе болванились солдаты... Выдавая себя за фуражиров, мы поехали как будто искать овса в сопровождении жида, предложившего нам свои услуги. Идя подле меня, он спросил: „Не слышно ли что о дьяблях казаках?“ – „С тобою, дьяблем жидом, едут“. При этих словах еврей до того перепугался, что бросился целовать мои ноги. Не отпуская ни на шаг от себя жида, я потребовал, чтобы он провел нас к тому месту, где мы скрыли свою команду. Жид указал тропинку через огороды,

по которой мы обогнули плац по другую сторону и присоединились к команде»³⁶. В результате казаки сняли часовых, собрали все оружие и без сопротивления взяли в плен полностью неприятельский отряд, состоявший из семи офицеров и 246 рядовых. По мнению историка А.И. Сапожникова, казачья партия Савельева захватила один из отрядов баварской дивизии Великой армии под командованием генерала от кавалерии графа К.-Ф.-Й. фон Вреде во время его марша из местечка Докшицы Борисовского уезда Минской губернии в Вилейку через Долгиново, совершенный 18–20 ноября³⁷. Успеху же этой операции поспособствовал, сам того не ведая, местный житель-еврей.

Что же касается вынужденных услуг, которые отдельным евреям приходилось оказывать французам, то можно снова обратиться к мемуарам офицеров неприятельской армии. Например, французский полковник К. Комб рассказывает, что он и пять его товарищей-офицеров, спасаясь от казаков, отстали от своей части в окрестностях местечка Толочин Оршанского уезда Могилевской губернии и заблудились. В пути им встретился еврей. После того, как один из офицеров приставил к его груди пистолет, а другой показал ему несколько бумажных рублей, обещая заплатить, еврею ничего не оставалось, как подчиниться силе и вывести французов к Смоленской дороге³⁸. О таких же вынужденных услугах нескольких евреев из Ошмян сообщает и саксонский офицер В.-Л. Лейсниг. Но, пожалуй, лучше всего и нагляднее об этом свидетельствует Х.-В. фон Фабер дю Фор, который в звании обер-лейтенанта артиллерии служил в резервном парке 25-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса Великой армии. Будучи профессиональным военным, он был и художником-баталистом, оставившим ценнейший изобразительный источник о кампании 1812 г. – серию акварельных зарисовок с военными сценами, сделанных с натуры и впервые изданных в 1831 г. с подробными пояснениями его сослуживца майора Ф. Кауслера и Р. Лобауера («Листки из моего портфеля»). В этом альбоме рисунков, в частности, воспроизведена следующая сцена: трепещущего от ужаса старика-еврея французы принуждают показывать им путь. Товарищ Фабера по походу Ф. Кауслер, снабдивший его альбом пояснительным текстом, по поводу этой ситуации указывает: «Только силой можно было заставить их исполнять эту должность»³⁹.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы. Мирные по своему характеру и религиозные евреи, остававшиеся в своих жилищах, поскольку были обременены многочисленными семьями, должны были как-то выживать в условиях французской оккупации. Поэтому многие из них предоставляли военнотружущим Великой армии – как при их

наступлении, так и при отступлении – свой кров для ночлега и еду. Собственно, львиная доля еврейской помощи наполеоновской армии сводилась именно к этому. В противном же случае, отказывая неприятельским солдатам, евреи элементарно рисковали своей жизнью, не имея возможности что-либо противопоставить вооруженной силе. Предприимчивые по натуре, они и в условиях войны пытались заниматься своей привычной торгово-финансовой деятельностью, хотя в роли покупателя и выступал противник. Перечисленные мотивы никак не оправдывают, но объясняют поведение отдельных представителей еврейского населения Литвы и Белоруссии в период Отечественной войны 1812 года. Что касается участия некоторых российских (не польских или прусских) евреев в агентурно-разведывательной работе в пользу Наполеона Бонапарта в качестве информаторов, а также курьеров или проводников, то, как было замечено ранее, они не пользовались особым доверием руководства французской разведки, поскольку считались – и не беспочвенно – приверженцами власти Александра I. Часть этих коллаборантов предоставляла подобные услуги за деньги, преследуя чисто меркантильные цели, но многие делали это вынужденно, под угрозой смерти своей или своих близких. Таким образом, учитывая антинаполеоновские настроения в обществе российских евреев в целом, мы вправе говорить лишь о проявлениях коллаборационизма, присущих отдельным группам или индивидуумам, а не всему еврейскому населению России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 47, 70.

² См.: Гессен Ю.И. В эфемерном государстве: Евреи в Варшав. герцогстве (1807–1812): По архив. материалам // Еврейская старина. СПб., 1910. Вып. I (январь–март). С. 1–38. (Отдельное издание – СПб., 1910); Он же. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 216–219; Дудаков С.Ю. История одного мифа: Очерки рус. лит. XIX–XX вв. М., 1993. С. 42; Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней. Иерусалим; М., 2002. Т. 1. С. 262–269.

³ Рябинин И.С. Великое герцогство Варшавское // Отечественная война и русское общество, 1812–1912. М., 1911. Т. I. С. 193–194.

⁴ Гинзбург С.М. Указ. соч. С. 51.

⁵ Chambray G., de. Histoire de l'expédition de Russie en 1812. P., 1839. Т. III. P. 247; Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 142.

⁶ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 216.

⁷ См.: Двенадцатый год: Ист. документы собств. канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армиию, генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912. С. 123; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 175.

⁸ *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 181.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ См.: *Gotteri N.* Le Lorgne d'Ideville et le service de renseignements du ministère des Relations extérieures pendant la campagne de Russie // *Revue d'histoire diplomatique.* 1989. № 1–2. P. 121; *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 174, 175.

¹¹ См.: *Gotteri N.* Op. cit. P. 141; *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 181.

¹² См.: *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 58, 175, 190; *Он же.* Разведка русская // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 605.

¹³ См.: Виленский временник. Кн. V: Акты и документы из вилен., ковен. и гроднен. генерал-губернатор. архива, относящиеся к истории 1812–1813 гг. Вильно, 1913. Ч. 2. № 31; *Шацкин Я.* Новые материалы об участии евреев в войне 1812 г. // Еврейская старина. СПб., 1914. Вып. III–IV. С. 497.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. Оп. 1. Д. 620. Л. 147–148.

¹⁵ Там же. Л. 345об.

¹⁶ См.: Виленский временник. Кн. V, ч. 2. № 304; *Шацкин Я.* Указ. соч. С. 496, 499.

¹⁷ *Попов А.И.* «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011. С. 16.

¹⁸ См.: *Gotteri N.* Op. cit. P. 125, 126; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 183, 193, 198.

¹⁹ См.: *Gotteri N.* Op. cit. P. 126; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 190.

²⁰ См.: *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 84; *Потрашков С.В.* Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Рос. империи // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф. Бородино, 5–7 сентября 2005 г. М., 2006. С. 233.

²¹ [*Soltyk R.*] Napoléon en 1812: Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836. P. 43, 107.

²² *Puibusque L.* Lettres sur la guerre de Russie en 1812. P., 1816. P. 33; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 83.

²³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Военно-ученого архива (ВУА). Д. 435. Л. 195–196. См.: Отечественная во-

йна 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Генерального штаба. Отд. I. Т. I. СПб., 1900; Ч. 1. С. 109; Ч. 2. С. 82, 102, 261–262, 317–318; Т. II. СПб., 1901. С. 66, 85, 89–90, 95, 166–167, 293; Т. III. СПб., 1902. С. 84–90; Т. IV. СПб., 1903. С. 78, 261; Т. V. СПб., 1904. С. 248–249; Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ. В.М. Безотосного // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Т. II–III. С. 66; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 58, 60, 197, 221.

²⁴ Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. М., 2004. Кн. 1. С. 62, 67, 128; Кн. 2. С. 147, 164, 400–403.

²⁵ *Роос Г.* С Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии. М., 2003. С. 58.

²⁶ Там же. С. 99, 109.

²⁷ *Иелин Х.-Л., фон.* Записки офицера армии Наполеона // *Роос Г.* Указ. соч. С. 181.

²⁸ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 2005. С. 49.

²⁹ Там же. С. 207.

³⁰ Цит. по: *Попов А.И.* Указ. соч. С. 10.

³¹ Там же. С. 13.

³² *Флиз Д.-П., де ла.* Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003. С. 5, 7.

³³ Там же. С. 9, 10, 13.

³⁴ Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. М., 1912. Ч. 1–3.

³⁵ Там же.

³⁶ *Траштин Ф.К.* Казаки-ветераны // Донские областные ведомости. 1873. № 22. С. 2–3.

³⁷ См.: *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 660–661.

³⁸ См.: *Combe C.* Mémoires sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. P., 1853. P. 150–151; *Гинзбург С.М.* Указ. соч. С. 82.

³⁹ Рисунок опубликован также в изд.: *Гинзбург С.М.* Указ. соч. (Вклейка); Новый Восход. 1912. № 36. С. 33–34; *Маргулис У.* История евреев в России в очерках и документах. Ч. 1: 1772–1861. М.; Харьков; Минск, 1930. (На яз. идиш). С. 67; With Napoleon in Russia: The Illustrated Memoirs of Major Faber du Faur, 1812 / Ed. and trans. by J. North. L.; Mechanicsburg (Pennsylvania), 2001. № 7; Родина. 2002. № 4–5. С. 63; Евреи в России: Неизвестное об известном. М., 2012. С. 147; 1812 год – Россия и евреи: Рус.-еврейские историки о войне 1812 года. М.; Иерусалим, 2012. (Вклейка).